

# Экономическая социология

© 2002 г.

Е.С. БАЛАБАНОВА

## ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ С ЖИЗНЕННЫМИ ТРУДНОСТЯМИ

---

*БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета.*

---

Социально-экономические трансформации, происходящие в российском обществе, создают для многочисленных групп населения неблагоприятную обстановку, ставят под сомнение настоящее и будущее благополучие, заставляют людей в корне менять привычный образ жизни. Для преодоления создавшихся трудностей человеку необходимо задействовать все свои возможности, использовать те способности и умения, применение которых не требуется в обычных условиях. Вероятность успеха зависит от того, насколько активен, инициативен человек, как он оценивает ситуацию и видит себя в ней. Процесс совладания предполагает единство когнитивных, эмоциональных и поведенческих факторов, направленных не столько на пассивную адаптацию или уход от проблемы, сколько на ее разрешение, элиминацию негативных последствий или даже нахождение новых ресурсов и перспектив для движения "наверх".

Настоящая статья посвящена рассмотрению того, как ведут себя в трудных жизненных ситуациях мужчины и женщины. Существуют ли гендерные различия в их стратегиях? В чем они выражаются? Какая модель - "мужская" или "женская" - более эффективна? Ответить на эти вопросы мы постараемся, используя данные исследования "Совладающее поведение в посткоммунистической России: экономические и социальные стратегии андекласса"<sup>1</sup>, проведенного в 1998-2000 гг. в Москве, Нижнем Новгороде, Краснодаре и Екатеринбурге. В ноябре-декабре 1998 г. проведено 101 неформализованное интервью, ровно через год - вторая серия интервью с теми же респондентами, в июне 1999 г. - массовый опрос среди трех групп респондентов - вынужденных мигрантов, безработных и "работающих бедных" (N = 804, 305 мужчин).

**Социально-психологическое состояние.** Эмоциональные реакции женщин негативнее, острее, хотя при этом ведут они себя более пассивно. Например, среди безработных "очень сильно" переживали потерю работы 59% женщин и 30% мужчин. Неблагополучие значительно сказывается на их самооценке: 35% респонденток причиной переживаемых трудностей назвали "нехватку знаний, связей, уверенности", в то время как среди опрошенных мужчин - 23%. Потерю уверенности в своих возможностях отмечают соответственно 57 и 41%, чувство собственной бесполезности для общества - 50 и 43%, увеличение зависимости от внешних обстоятельств - 62 и 52%, неуверенность в завтрашнем дне - 74 и 62%.

Хотя существенных возрастных различий среди респондентов и не установлено, но об отсутствии здоровья говорят 43% мужчин по сравнению с 60% среди женщин. Ухудшение здоровья как одну из самых острых проблем отмечают 27 и 43% соответственно. Ссылки на здоровье и "неподходящий возраст" - типичные оправдания, к

которым прибегают люди с экстернальным локусом контроля: так, возрастными ограничениями объясняют свои неудачи в поисках работы 35% мужчин и 52% женщин. Конечно, здесь сказывается и дискриминирующее влияние пенсионной системы, согласно которой женская старость должна наступать "раньше".

В целом же для женщин в большей степени характерно чувство безнадежности и растерянности в трудной ситуации: "не знают, что предпринять" 37% женщин и 22% мужчин. Женщины более ориентированы на поиск внешней поддержки, сочувствия, их списки проблем (материальных, семейных, психологических) значительно длиннее мужских. Показатели стрессированности у них в среднем выше мужских (табл. 1).

И в массовом опросе, и в интервью женщины значительно чаще жаловались на напряженные отношения в семье и на то, что они страдают от отсутствия бытового комфорта (это касалось, прежде всего, вынужденных мигрантов). "В таких условиях - это просто мешает людям, сами, как попало, живем. Ни у кого нет ни отдыха, ни покоя. Все приходим раздраженные, нервные, все кричим: "Ваня, встань, Ваня уйди туда, мам, посторонись, пап, ты не туда сел!". Это же просто невозможно! И если дальше так будет продолжаться, то лучше не жить, я так считаю" (вынужденная переселенка, 50 лет, семья из 5 человек живет в 12-метровой комнате общежития).

Мужчины же, напротив, меньше переживают и не расценивают создавшуюся ситуацию как трагедию: 19% вообще не испытывают никаких психологических проблем, в то время как среди женщин таких "невозмутимых" лишь 9%. Мужчины в целом более деятельны, утверждают, что решают основную из отмеченных ими проблем, у них ярче выражена установка на самоэффективность (табл. 2). Они более уверены в своих силах, чаще являются акторами собственной жизни. У них ярче выражены такие ценности, как самостоятельность и независимость, последняя важна для 48% мужчин и 32% женщин. Ведение активной деятельной жизни ценится 33 и 22% соответственно. "Тяжело, конечно, но к тебе никто не подойдет, когда ты лежишь на диване, и не даст сто рублей... Я знаю людей, которые стоят там (в очереди на получение ссуды - примеч. авт.) 2-3 года, они этих денег не получили. Не стоит свеч. Надо на самого себя надеяться, а не ждать, когда в Москве деньги дадут" (вынужденный мигрант, 31 год). Помимо практических соображений (несущественные размеры государственной помощи, бюрократические сложности в получении), ориентация на независимое решение проблем мотивирована чувством самоуважения, необходимостью сохранения идентичности "компетентного" человека, своего Я. Обращающийся за поддержкой к государству получает ярлык "неудачника": "Она мне неинтересна, эта (миграционная) служба. Она для нищих существует, а у меня достоинство есть" (вынужденный мигрант, 35 лет).

В отличие от мужчин обращение за помощью реже наносит удар по самолюбию женщин. Женская стратегия выживания не отрицает привлечения внешней под-

Таблица 1

Показатели стресса (%)

Утверждения	Согласен, скорее согласен		Не согласен, скорее не согласен	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Пожалуй, я человек нервный	30	46	70	54
В моей семье часто возникают напряженные отношения	13	34	87	66
Я часто ощущаю нервное напряжение	54	62	46	38
К концу дня я совершенно истощен физически и психически	31	42	69	58

## Показатели самооффективности (%)

Утверждения	Неверно, скорее неверно		Верно, скорее верно	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Если я приложу достаточно усилий, то смогу справиться с большинством проблем	19	35	81	66
Если я как следует постараюсь, то всегда найду решение даже сложных проблем	22	36	78	64
В неожиданных ситуациях я всегда знаю, как я должен себя вести	45	61	55	39
Если передо мной встает какая-либо проблема, то я обычно нахожу несколько вариантов ее решения	27	42	73	58
Я обычно способен держать ситуацию под контролем	28	41	72	59

держки, предполагает вхождение в образ "сирого и убогого", зависимого от окружающих человека: *"Очередь-то (на общежитие по месту работы) есть. Стоит там уже человек первый пятнадцать лет в этой очереди. Это все... А с другой стороны, может, если пойти поплакаться, пожаловаться, может, помогут? Возможно, придется пойти... Но, думаю, нет"* (вынужденный мигрант, мужчина, 34 года), *"А вот зря, нужно пойти поплакаться!"* (его жена, 34 года). Зачастую респондентки считают чужую помощь единственным способом решения проблемы: 24% женщин по сравнению с 13% мужчин называют причиной неспособности справиться с неудачами *"неуверенность в себе, неумение себя подать"*. *"Нет, еще не пыталась (найти работу). Потому что это... страх, между прочим. Страх перед тем, что тебе откажут, что... Страх перед этой бюрократией. Без знакомств, без определенных каких-то там моментов. .. просто так работу не найдешь"* (женщина, 46 лет).

В целом мужчины более конструктивно, "инструментально" относятся к жизни, в то время как женщины в большей степени поглощены переживанием своих проблем, что подтверждает известную поговорку: "Кто хочет решить задачу, ищет пути ее решения, кто не хочет - ищет причины этого не делать".

**Экономическое поведение.** Основное различие в способах преодоления жизненных трудностей - интенсификация трудовой активности мужчин и поиск внешней поддержки женщинами. Безусловно, подобный шаблон нельзя применять ко всем без исключения респондентам, но, тем не менее, именно по этому критерию можно выделить статистически значимые гендерные особенности. В целом женщины отличаются большей "традиционностью" и предпочтением "нерыночных" сегментов экономики.

**Мужчины: активизация оплачиваемой занятости.** Вынужденный переезд, потеря работы или падение доходов по основному месту работы, прежде всего, активизируют оплачиваемую занятость мужчин (в случае с безработными - неоформленную занятость, в случае с работающими бедными - вторичную занятость). Так, на момент опроса приработки имелись у 44% мужчин и только у 21% женщин (табл. 3). Соответственно, в неблагоприятной обстановке число рабочих мест возросло у 18% мужчин по сравнению с 9% женщин. Не имели работы вообще соответственно 36 и 56% опрошенных<sup>2</sup>. Теми немногими респондентами, которые рассматривают возможность открыть собственное дело, также оказываются мужчины (16% по сравнению с 5% женщин).

## Регулярность вторичной занятости

Пол	Имеют приработки (%)		
	регулярно	иногда	не имеют
Мужчины	15	35	51
Женщины	8	18	75

Эти выводы подтверждают и результаты других исследований. Дополнительную работу легче найти наиболее востребованным на рынке труда группам - мужчинам молодого и среднего возраста, имеющим образование не ниже среднего. Так, по данным проведенного ИСИТО опроса 4 тысяч домохозяйств в 4 городах России в апреле-мае 1998 г. мужчины подрабатывают приблизительно вдвое чаще, чем женщины (21 и 13% соответственно) [1, с. 123]. В нашем опросе эти показатели несколько выше (55 и 34%), т.е. он проводился на депрессивных предприятиях, где необходимость в приработках существенно больше.

Может показаться странным сам факт занятости многих "активных" мужчин на неблагоприятных предприятиях. Мы согласны с О. Исуповой в том, что мужчины часто конструируют свою рабочую ситуацию как сложноподчиненную систему из деятельностей разного вида и рода, в которой одна работа "кормит" другую [2, с. 69]. Основная низкооплачиваемая работа либо оставляет достаточно свободного времени для приработков (особенно в случае неполной рабочей недели), либо позволяет получать дополнительные доходы на самом рабочем месте (использование сырья, оборудования предприятия для "левой" работы). *"Многие сейчас большей частью занимаются не работой, а чем-то своим. В том же компьютерном зале. А про рабочих я вообще не говорю: им еще легче что-то вырезать, выточить на продажу. Ну, я не говорю, что все. Не буду обижать людей, но стараются как-то крутиться. Хотя были грозные приказы по выносу, вывозу, но реально и вынесут, и вывезут. Несколько проще конструкторам. Они проекты студентам рисуют, чертежи. Так же и внизу у нас на компьютерах. Есть графопостроитель - делают студентам работы"* (инженер с авиационного завода, 30 лет).

Публикации многих исследователей, в частности, З.А. Хоткиной [3], в последние годы остро ставят проблему нарушения прав женщин в сфере неформальной занятости. Однако нельзя не отметить их более пассивное участие в "сером" секторе. Среди мужчин, имеющих дополнительное место работы, 95% там не оформлены, а 85% - подрабатывают индивидуально, в частном секторе, в то время как эти показатели у женщин составляют 66 и 50%.

Различия экономических стратегий просматриваются и на уровне планов и намерений. У мужчин ярче выражена готовность "браться за любую работу" (53% против 40% женщин), они демонстрируют более реалистичное видение ситуации, отмечая необходимость активнее налаживать нужные связи с людьми (43% против 29% женщин), "больше работать".

Кроме того, мужчины чаще женщин стараются не только "выкрутиться" из тяжелой экономической ситуации, но и изменить ее путем защиты своих прав: регулярно или иногда участвуют в митингах, собраниях 11% мужчин и всего 5% женщин. Правда, респонденты не обольщаются насчет эффективности этих акций протеста: *"Вот, как-то у главной проходной были независимые профсоюзы. Человек тридцать собралось. Покричали-покричали, разошлись"*. ИНТЕРВЬЕР: *"А есть результаты от этих акций?"* РЕСПОНДЕНТ: *"Нет. Васька слушает, да ест. Я не ощущаю этого. Ощущаю только то, что тот, кто был активным профсоюзным работником, он и в Америку съездил, и в Москве свой человек. Он для себя карьеру купил.. Для нас это - ничего хорошего. А карьеру он себе сделал"* (рабочий, 52 года).

Скорее всего, более конструктивное и ответственное поведение мужчин в трудной ситуации обусловлено влиянием советской гендерной системы, где общественное положение мужчины определялось работой, а позиция в частной сфере - ролью основного кормильца семьи. Работа и раньше, и сейчас рассматривается как ключ к самореализации, определяя статус как в общественной, так и в частной жизни. У респондентов-мужчин доля в семейном бюджете в среднем составляет 61%, женщин - 44% (коэффициент корреляции доли в семейном бюджете от половой принадлежности 0,256). Однако в связи с несоответствием социального статуса и материального вознаграждения именно мужчинам пришлось встать перед выбором - сохранять свой профессиональный статус или кормить семью. Исследователи отмечают в этом отношении необходимость защиты мужской идентичности на рынке труда и дома [4, с. 9]. В нашем исследовании мужчинам более свойственно стремление к реализации профессиональных способностей (36% против 25% женщин), к работе по специальности (33 и 20%) и к высокой оплате труда (49 и 37% соответственно).

**Мужские особенности неконструктивного поведения: перемещение на "социальное дно".** Интересно, что в случае отсутствия работы вообще действия мужчин часто становятся "неконструктивными": в отличие от женщин, они имеют меньше возможностей привлечения незарплатных ресурсов совладания с трудностями. *"Здесь, в этом цехе, хоть и тяжелая работа, но престижная. И зарплата повыше. А в других цехах, где возьмешь работу? Там маленькая зарплата. Ну, а те, кто у нас за границей побывал, привык к деньгам, те совсем с завода ушли. Кто-то из них устроился, а кое-кто и нет. 3-4 человека померли, один в котельной сварился, другой повесился, третьего под платформой мертвого нашли. Это, конечно, вино. А это специалисты, сдаточная команда"* (рабочий с судостроительного завода, 52 года).

Другим проявлением "неконструктивного" поведения нередко становится стремление работать непременно по специальности, а в случае невозможности этого - "уход в крайности", перемещение на социальное дно. *"А я не пойду за 450 рублей<sup>3</sup> на морозе здания делать. Я не строитель, я - инженер-механик. Дайте мне со станками работу, я налажу, настрою... Мне каждый день нужно хоть 2 буханки хлеба, пачку сигарет, чего-то еще. А 450 рублей подели на 30 - нет у тебя ничего. И я должен чего-то делать. Опускаюсь, что это за безобразие! Я лучше, на самом деле, пойду, хоть и грязная работа - у меня руки не отмываются - лом на свалке собирать..."* В этом случае проявляются характерные "зависимые" черты представителей социального дна - мечтая выбиться в "нормальные люди", они рассчитывают не на себя, а на неких благодетелей (обычно - противоположного пола) [5]. *"Мне бы по-серьезному... Бабу бы хорошую найти, ушел бы к ней, бросил бы это все. Работать я умею. И хорошую семью бы сделал, а тут я так и буду..."* ИНТЕРВЬЮЕР: *"Где бы Вы в этом случае стали работать?"* РЕСПОНДЕНТ: *"Да хоть на трех работах бы стал работать, но на кучи бы не пошел. Я бы встал в 4 утра, двор бы помел за 450 рублей в месяц. Потом - пошел бы и работал, хоть с задержкой, за 700 рублей..."* (безработный, собирающий цветной лом на свалке, 52 года).

Мышление категориями "что было бы, если бы..." в целом более характерно именно для мужчин, женщины предпочитают небольшой, но стабильный кусок хлеба витанию в облаках. Деморализованные повторяющимися неудачами мужчины не опускают, а, наоборот, нереалистично завышают планку своих притязаний, в результате чего последние выглядят "воздушными замками": *"А что я могу сделать, когда у меня нет постоянной работы? Нет никакой возможности что-то сделать. Даже придумать ничего не можем, потому что денег нет (...). Нет, это смешно, наверное... Ну, если я вам скажу, что я хотел бы уехать в Америку? И забрать туда семью? Я хотел бы работать. Я бы работал, как Папа Карло. Я могу работать. Лишь бы я зарабатывал там эти деньги. Я бы получал удовольствие от этого, обеспечивая свою семью..."* (безработный вынужденный переселенец, 29 лет).

Оценка материального положения (%)

Высказывания	Мужчины	Женщины
Едва сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания	22	34
На еду денег хватает, но во всем остальном приходится себя ограничивать	34	40
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	39	23

**Женщины: поиск внешней поддержки и уход в частную сферу.** Женщины оценивают материальное положение своих семей ниже (табл. 4)<sup>4</sup>. Они более остро ощущают не только абсолютную, но и относительную экономическую депривацию. Так, 62% респонденток и 50% опрошенных мужчин считают, что они живут хуже по сравнению с окружающими, 94% и 86% соответственно отметили, что не имеют дохода, "позволяющего жить нормально".

Как известно, к числу основных факторов феминизации бедности [6] наряду с более низким уровнем оплаты труда женщин относится и сама структура домохозяйств, в частности, тот факт, что, по данным выборочной переписи 1994 г., в России неполными являются 21% семей [7, с. 24], которые возглавляются в подавляющем большинстве женщинами. В нашем опросе в браке состояли 77% респондентов мужского пола и 60% женского. Родителями-одиночками были 3% и 25% соответственно. Доля "социальных" выплат (пенсий, пособий, стипендий) составляет у мужчин 18%, у женщин - 27%. Как суммарный, так и среднедушевой доход в женских домохозяйствах в 1,2 раза меньше.

Глубина экономической депривации, заниженная самооценка объясняют неприязнательность женщин к оплате своего труда. Заработная плата, которую они считают "достаточной", в 1,7 раза ниже мужской, "минимальная" (на которую согласились бы) - в 1,6 раза. По данным других исследователей, женщины примерно в два раза занижают потолок доходности в сравнении с представителями сильного пола [8, с. 37].

В отличие от мужчин, желающих и сохранить профессиональный статус, и достаточно зарабатывать, у женщин ярче выражены недостижительские трудовые ценности, позволяющие сочетать профессиональную и семейную занятость. Наибольшие гендерные различия наблюдаются в таких критериях поиска работы, как близость работы от дома (25% женщин и 15% мужчин), приятная атмосфера в коллективе (39% и 28%), удобный режим (34% и 25% соответственно). Подобные установки хорошо просматриваются и в текстах интервью. Приведем в пример женщину, уволенную из бухгалтерии, где она проработала 30 лет "на одном и том же стуле". Более года она состояла на учете в Центре занятости, отказываясь от многих предложений по причине их "неудобности", прошла переподготовку по специальности "оператор газовой котельной", а в итоге устроилась работать уборщицей. *"Сейчас я прости довольна, счастлива Денег, конечно, мало. (...) Здесь зарплата - только 600 рублей... Но самое главное - рядом с домом... Чувствую себя лучше, чем в бухгалтерии. Во-первых, у меня не болит голова. Я похудела, легче себя чувствую, со здоровьем лучше. Может, оттого, что физическая нагрузка: с потом, говорят, все шлаки выходят, а потом - душ и все У меня и настроение лучше... И сейчас я вижу, что операторы требуются, но меня останавливает то, что я не хочу куда-то ездить. Пусть это будет 30-40 минут пешком, но без транспорта. Мне сейчас не нужны деньги на транспорт, на обед на душ в бане: дома у меня ванны нет. Я привыкла - 30 лет никуда не ездила и автобусы не переносу. Я лучше уборщицей пойду - ничего зазорного нет"* (бывшая безработная, 49 лет).

Результаты других исследований подтверждают, что для современных россиянок наиболее важны ценности, связанные с "личностными" аспектами жизни (друзья, квартира, интересная работа) и семейными ролями, в то время как карьерно-статусные чужды большинству из них [9]. Именно значимость недостижимых ценностей обуславливает согласие женщин работать за символическую, ниже прожиточного минимума, зарплату. Обеспечение этих ценностей происходит в результате "эквивалентного обмена" с работодателем: работа за мизерные деньги в обмен, например, на послабление трудового режима [2, с. 63].

Кроме того, именно с недостижимыми трудовыми ценностями обычно ассоциируются и профессиональные качества, традиционно приписываемые женщинам-работникам - исполнительность и аккуратность, нередко переходящие в пассивность, зависимость, низкую инициативность. В сущности, ищущие "удобную" работу женщины оказываются дешевой рабочей силой, которой легко манипулировать.

Таким образом, можно сделать вывод, что мужская стратегия занятости больше ориентирована на "доходную работу" (относительно высокую заработную плату и приработки). Ей сопутствуют достижительские (инновационные) способы включения в трудовые отношения. Женщины же демонстрируют стратегию "удобной работы" (дающей незначительные преимущества), которой соответствует защитная (привычная) стратегия [8, с. 31—32]. В условиях материальных лишений они активнее используют альтернативные (назарплатные) источники для пополнения своих доходов, отличаясь стремлением сэкономить ресурсы, расширить сеть родственного обмена и, наконец, обратиться за помощью к государству [8, с. 26; 10, с. 53]. Трудная жизненная ситуация привела к увеличению занятости в домашнем хозяйстве 42% женщин и 23% мужчин, уменьшение домашнего труда отметили только 8% и 13%, вообще не работают по дому 5% и 15% соответственно. Аналогичные различия наблюдаются и в намерениях респондентов относительно своих действий в будущем: "собираются больше работать по дому, ухаживать за детьми" 49% женщин и 30% мужчин.

Отметим, что здесь речь идет именно о домашней работе по обслуживанию семьи и уходу за детьми и другими членами семьи: трудовая активность мужчин и женщин и их намерения относительно работы в личных подсобных хозяйствах не различаются. Работа по самообеспечению семьи продуктами питания является "семейной" стратегией, не связанной с гендерными различиями. Подобные же данные мы находим и у других исследователей: так, исследования ИСИТО показывают, что объем совокупной трудовой нагрузки в ЛПХ у женщин и мужчин примерно одинаков, в то время как на работу по дому первые тратят втрое больше времени [11, с. 145].

Женщины чаще используют "институциональные" способы поиска работы и повышения своих доходов: обращаются в Центры занятости (41% женщин и 30% мужчин), встают на учет (92% против 75%), пользуются внешней поддержкой (пособия и материальная помощь) (26% против 16%). Аналогичные данные мы можем обнаружить и у других исследователей: так, в г. Сыктывкар абсолютное большинство малообеспеченных, заявивших о своей нужде, прошедших регистрацию и получивших статус нуждающихся, составляют женщины - 90% [8, с. 26].

Кроме стратегии "поиска ренты", то есть получения законодательно положенной государственной помощи, женщины более активны и в привлечении поддержки со стороны окружающих. Так, например, получали натуральную помощь (вещи, продукты) от родственников - 32% женщин и 21% мужчин. Именно женщины, как известно, более "искусны" в налаживании и поддержании отношений; ресурсы социальной сети в данном случае компенсируют недостаточность ресурсов личностных (здоровья, самоэффективности, психологической устойчивости и способности зарабатывать). При многомерном анализе данных мы выделили кластер "Получателей социальной поддержки", состоящий преимущественно из женщин [12, с. 338-339; 13, с. 72-73]. Представители этого кластера имеют низкий уровень образования, вяло и пассивно ищут работу, зато активно пользуются моральной и материальной помощью близких. Их поведение в трудной ситуации направлено на использование средовых ресурсов: например,

стратегия поиска работы "через родственников и знакомых". Они чаще советуются с друзьями и членами семьи, обсуждают свои проблемы и планы. Таким образом, они не чувствуют себя "исключенными", и основой их социальной интеграции является, прежде всего, семья. Однако "успешной" эту стратегию назвать нельзя - она обеспечивает выживание, но не более того.

Подобные ситуации описаны в зарубежной литературе: в Италии, Испании основой социальной интеграции является семья, потеря работы здесь не ведет к ослаблению семейных связей, и поэтому не наблюдается "социальная дисквалификация" бедных и безработных. А во Франции, Великобритании, Германии, где господствует индивидуалистическая культура достижений, безработные лишаются неформальной поддержки со стороны ближайшего окружения [14, с. 291-292]. Россия относится к "традиционным" социумам с большой значимостью персонифицированных отношений: люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, не только не приобретают стигму "неудачников", но и могут рассчитывать на поддержку.

Тексты интервью свидетельствуют, что именно женщины обладают способностью расположить к себе и получить поддержку не только родных и близких, но и посторонних людей. Здесь очень важна позитивная установка на общение; готовность прийти на помощь, как правило, "окупается" хорошим отношением со стороны окружающих. *"Бог помог. Мы людям помогали, теперь он нам помогает. С людьми порядочными встречаешься, а не с проходимцами, которые обманывают... Мы познакомились с русскими из Подмосковья. Мы искали квартиру подешевле, и они тоже, разговорились. Им тогда очень тяжело было. А у нас сахар был, мука, масло подсолнечное, соленья, мы им помогали. А теперь пришли они к нам, мы говорим, чтобы они нас извинили, на стол поставит нечего, только картошка. И они уже нам прислали и песок, и муку, и масло"* (вынужденная переселенка, 30 лет, учитель). МУЖ [говоря о женщине, которая помогла им обустроиться на новом месте]: *"Это самая первая наша знакомая здесь"*. ЖЕНА: *"Да, я торговала косметикой с самого начала в городе. Она в клубе работала. Я прибежала в клуб и давай про крема ей рассказывать. Она сказала: "Придешь ко мне, я у тебя куплю". Проходит неделя, я опять к ней примчалась. А мы еще жили рядом с клубом, бегали к ней: можно позвонить? Так и стали к ней ходить звонить. Познакомились, дружим"*. МУЖ: *"Через нее и комнату ту нашли, в бараке"*. ЖЕНА: *"Она нам и с работой помогла"* (вынужденные мигранты, супружеская пара, по 26 лет).

Однако поддержание таких контактов означает не только безопасность, но и принятие обязательств [15, с. 251-264; 16, с. 253-254]. Имеется в виду необходимость адекватно отвечать на получаемую помощь, выполняя работу по дому, ухаживая за детьми и т.д., поскольку при отсутствии взаимности сеть поддержки распадается, о чем упоминают и другие исследователи [17]. У тех, кто пользуется родственной поддержкой, значительно увеличивается нагрузка по дому, что затрудняет, в свою очередь, выбор "активных" стратегий оплачиваемой занятости. Это подтверждает вывод Ц. Кокбурн о том, что "женщины не являются свободными акторами на рынке труда в том смысле, в каком ими являются мужчины, поскольку из-за домашних обязанностей они не могут свободно продавать свою рабочую силу" [18, с. 94]. 21% женщин и только 5% мужчин объясняют свои неудачи в поиске подходящей работы необходимостью ухаживать за детьми и родственниками, 20% и 10% одной из главных причин своих трудностей считают семейные обстоятельства. В ситуации потери работы, доходов или жилья респонденты-женщины видят одну из главных проблем в том, что они не смогут дать образование детям (22% против 10% мужчин). Данные интервью также свидетельствуют о "детоцентричности" женской судьбы (по выражению С. Голода) - необходимость заботиться о детях и зависимых членах семьи нередко становилась причиной упущенных шансов. *"Ну, можно было бы, переехав в сельскую местность, что-то изменить. Но первое - упиралось в болезнь дочери, мы должны были ее как-то поддерживать, лечить, нужен был большой город. Теперь -*



*этот проблемный ребенок. Ну, уеду я куда-то в деревню, что из него будет? А здесь я надеюсь, что бог даст, что-то изменится... Вот что меня заинтересовало: есть такая частная фирма, называется "Забота", то есть гувернеры, прислуга в богатые дома. Ну, если говорить о гувернерах, [заведующая детсадом] мне говорит: "Раиса Александровна, вы по всем параметрам проходите". Там какие требования... Высшее образование, опыт работы с детьми и положительные характеристики. Все это у меня в наличии... Много интересного предлагалось. Например, за три часа сидения с одним ребенком (не с группой!), пусть он самый нахулиган, наизбалованный, но один ребенок, три часа - 800 рублей... Нет, не пробовала, но по условиям мне бы это подошло. Но когда? Есть свое больное дитя, которым надо заниматься. Нет, я пока на это не решаюсь" (вынужденная переселенка, воспитатель детсада, 50 лет).*

Анализ гендерных особенностей совладающего поведения выявляет, что мужские стратегии ориентированы на активизацию оплачиваемой занятости, основаны на независимом действии, эмоциональной устойчивости и самоэффективности. Типичное женское поведение в трудной жизненной ситуации можно охарактеризовать как пассивное, ориентированное на выживание и поиск внешней поддержки. Такой стратегии соответствуют низкая самооценка, недостижительские трудовые ценности, повышенный уровень тревожности и неуверенность в собственных силах. Женщинам свойственно не столько *преодоление* трудной жизненной ситуации, сколько *приспособление* к ней.

Однако нельзя однозначно утверждать, что мужчины "лучше справляются" с трудностями. Данные исследования свидетельствуют, что мужчины зачастую выбирают неконструктивный вариант совладающего поведения: чувствуя свою несостоятельность и как профессионалов, и как кормильцев семьи, они опускаются на социальное дно. Женские же стратегии, ориентированные на выживание, снижают риск асоциальных проявлений бедности, хотя и консервируют ситуацию экономической депривации.

Конечно, пассивность и низкая самооценка женщин отчасти являются следствием дискриминационных практик. Тексты интервью показывают примеры успешных женских стратегий совладания с трудностями, в основе которых лежат независимое действие, профессиональная компетентность и чувство самоуважения. Основной причиной худшего социально-экономического положения женщин являются не сами по себе дискриминационные патриархатные стереотипы, а *согласие* самих женщин со вторичностью своей экономической деятельности, зависимостью как культурной нормой [19], а также усвоение пропагандируемого в СССР тезиса о государственной ответственности за материальное обеспечение, охрану здоровья и образование детей. Похоже, еще не скоро уйдет в прошлое тип "государственной матери", воспринимающей свое материнство как выполнение обязанностей перед государством (вспоминается приведенное Е. Здравомысловой высказывание одной из респонденток: "*Я государству родила двоих детей...*" [20, с. 47]).

Поэтому сегодня в России, наряду с ростом женских общественных организаций, осознанием ценности профессиональной карьеры, продолжает господствовать традиционалистский дискурс - женщина-мать должна быть "социально подопечной", ей должны быть предоставлены значительные государственные льготы. И хотя по нынешнему законодательству "работникам с семейными обязанностями" полагаются многочисленные социальные льготы, а "материнский" отпуск трансформирован в "родительский", статистика показывает, что этими льготами все же пользуются только женщины [21, с. 43-44]. Здесь, как мы видим, образуется порочный круг: женщины, социализированные в культуре патриархата, сами же и создают основания для своей дискриминации! Именно этим объясняется медленный рост их общественно-политической активности, непопулярность курсов гендерной социологии в высших учебных заведениях.

Отметим, что низкая популярность феминизма как общественного движения и научной традиции отмечается и исследователями восточно-европейских стран. Так, И. Шиклова объясняет это акцентированием классовых (а не гендерных) различий в эпоху коммунистического режима, потерей социально-экономической базы феминизма в результате огосударствления экономики (когда работодателем женщины был не "мужчина", а "государство"), позиционированием приватной сферы жизни людей как "отсталой", замедляющей прогресс социалистического общества [22; 23]. Собственно, по этим же причинам проблема "патриархата" мало знакома россиянкам и воспринимается как что-то привнесенное с Запада, реально не существующее, а о феминизме общественность наслышана преимущественно через его экстремистские проявления.

Еще не пришло понимание того, что льготы - это, по сути, признание социальной инвалидности человека. Более того, такие "достижения социализма", как длительные отпуска по уходу за ребенком, запрещение увольнения беременных женщин, матерей с детьми до 3 лет и одиноких матерей, ограничение на работу в выходные дни, перевод на более легкую работу беременных и женщин, имеющих детей до 1,5 лет, особенный пенсионный возраст, негативно влияют на профессиональную карьеру, понижают уровень жизни пожилых женщин. Так, приводятся данные, что в накопительной пенсионной системе использование отпуска по уходу за одним ребенком снижает пенсионные накопления женщин на 7-11%; за двумя - на 14-21%; за тремя - на 21-30% [21, с. 103-109]. Уже сейчас эти льготы способствуют вытеснению женщин из доходных отраслей экономики в финансово дефицитные (прежде всего бюджетные) сектора. Работник-льготник оказывается более дорогим для работодателя, при этом берутся во внимание не *реальные* издержки, а сама их *возможность*.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варшавская Е., Донова И. Вторичная занятость населения // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
2. Исупова О.Г. Недостаточно оплачиваемая работа: почему мы соглашаемся? // Социол. исслед. 2002. №3.
3. Хоткина З.А. Женщина на рынке труда и просто на рынке (Права женщин в сфере неформальной занятости) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т. 1. М.: МЦГИ, 1998.
4. Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. № 16-17.
5. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социол. исслед. 1996. № 8.
6. Прокофьева Л.М. Феминизация бедности в России. Web-сайт Представительства Всемирного банка в России, <http://www.worldbank.org/rus/statistics/feminel/feminel4.htm>
7. Синельников А.Б. Новые тенденции структурных изменений семьи // Семья в России. 19%. № 2.
8. Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России // Рубеж. 2001. № 16-17.
9. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? // Аналитический доклад Института комплексных социальных исследований РАН и Российского независимого института социальных и национальных проблем, <http://www.owl.ru/win/research/doc1.htm>
10. Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. 2001. № 16-17.
11. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
12. Балабанова Е. Типы стратегий совладения с жизненными трудностями // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.
13. Балабанова Е. Стратегии совладения с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. Эл. журнал <http://www.ecsoc.msses.ru>. 2002. Том 3. № 3.

14. *Paugam S.* Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe // *Journal of European Social Policy*. 1996. Vol. 6. № 4.
15. *Oliker S.J.* "The Proximate Context of Workfare and Work: A Framework for Studying Poor Women's Economic Choices // *The Sociological Quarterly*. Spring 1995. Vol. 36. № 2.
16. *Edin K., Lein L.* Work, Welfare and Single Mothers' Economic Strategies // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. №2.
17. *Якубович В.* Социальные возможности и экономическая необходимость: включенность городских домохозяйств в сети неформальной взаимопомощи // *Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России* / Под ред. В. Кабашиной и С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999.
18. Цит. по: *Гартаковская И.* Мужская работа, женская работа... // *Рубеж*. 2001. № 16-17.
19. *Балабанова Е.С.* Зависимость женщин: теоретические подходы к изучению // *Гендерные исследования*. 2000. № 4.
20. *Здравомыслова Е.А.* Женщины без работы // *Все люди - сестры*. 1994. Бюллетень № 3. СПб.
21. *Баскаков В.Н., Баскакова М.Е.* О пенсиях для мужчин и женщин: Социальные аспекты пенсионной реформы. М.: Московский философский фонд, 1998.
22. *Siklova J.* Different Region, Different Women: Why Feminism Isn't Successful in the Czech Republic // *Feishmidt M. and others (eds.), Women and Men in East European Transition*. Cluj-Napoca: EFES, 1997.
23. *Смейкалова-Стрикланд И.* Нужен ли феминизм чешским женщинам? // *Антологии гендерной теории*. Сб. пер. / Сост. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск: ПроPILE, 2000.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Исследование осуществлено при финансовой поддержке Института Открытое общество (программа RSS, проект № 153/1998) под руководством В.В. Радаева.
- <sup>2</sup> В данном случае учитывалось число фактических мест работы, а не официальная занятость.
- <sup>3</sup> Низкие значения зарплат и доходов объясняются тем, что опросы проводились в 1999 г.
- <sup>4</sup> В таблице представлены только 3 нижние градации шкалы оценки материального положения, поскольку для опроса отбирались именно экономически депривированные респонденты.